

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Моя жена (полная версия). Часть 1

Мы с Кирой познакомились случайно. Зимой, перед самым Новым годом, мы были у каких-то общих знакомых, потом вместе пошли на трамвайную остановку. Я подумал тогда, что было бы здорово, если нам будет по пути, а оказалось, что она даже жила недалеко - у тётки, не доезжая до меня одну остановку.

Я проводил её, как и положено.

Потом мы не виделись около месяца. Потом встретились, обменялись телефонами (мобильных ещё не было тогда ни у кого) , а потом пошло-поехало. Ей было тогда лет 19, просто девочка ещё. Жила она у нас в городе у своей тётки на правах приживалки, поэтому при первой возможности я сразу забрал её к себе. У нас со свободной площадью тоже было негусто: маленькая двушка, разве что не смежная, родители в зале, да к нам ещё брат в придачу. Спали вдвоём на скрипучей односпальной кровати. Окна выходили на южную сторону, и днём солнце жарило беспощадно.

Кира сразу же сообщила мне, что деньги зарабатывать в нашей семье буду я и обеспечивать её и ребёнка буду тоже я. Я немного оторопел; я надеялся хотя бы на равноправие, привыкнув видеть, как и многие мои знакомые, как в современные семьи деньги, как правило, приносят матери.

За пол года до нашей встречи с Кирой я разошёлся с первой женой и жил у родителей.

Кира, несмотря на молодость, тоже успела побывать в браке; более того, о чём я, слава Богу, узнал гораздо позже, на момент нашей встречи она ещё официально была замужем - отношения с мужем у неё разладились, и он дал ей отпуск.

Её муж в юности был очень амбициозен, Карина, по её словам, выходила за него на перспективу. А потом он, как это бывает, дал слабинку, снизил планку, своих притязаний. Кира в ответ на это нашла себе любовника, с которым после нашего знакомства тоже распрощалась.

В то время я был вовсе не богатый, если не сказать бедный, больной молодой человек, получающий очередное высшее образование. Я плохо ел, был тощий, в общем, переваривал опыт первой женитьбы.

После первой нашей близости, когда нам помешала мама, не вовремя пришедшая с рынка, Кира села на кровати и рассказала мне и о муже, и о любовнике. Я чуть не расплакался от её честности.

Потом она сказала, что я должен стать успешным мужчиной, иначе она не ручается за себя в дальнейшем. Она сказала, что наверное, не сейчас, но всё же когда-то после тридцати у неё будут любовники. Я слушал молча и мотал себе на ус. Потом подумал, недолго, пока заваривал чай, и сделал ей официальное предложение.

И молчание, и предложение мои прежде всего объяснялись тем, что в постели Кира была чудо как хороша. Она жила сексом.

Для меня, с моими далёкими, но вовсе не заглушёнными с поколениями горскими корнями это было более чем принципиально. Моя первая жена была умная, но холодная.

А Кира была и жаркая, и темпераментная; и умная, и самое главное, очень красивая, тонкая, изящная восточная девушка, эффектная и яркая.

Мы поженились осенью. Свадьба была скромная, но красивая. Была хорошая тёплая погода, несмотря на конец сентября. К тому времени Кира уже была беременна.

Мы поехали на немецкие форты и гуляли там с гостями пол дня, вдоль наполненного водой рва. Кирпичных бастионов, пешек на постаментах, под сенью жёлто-зелёной рощи. Солнце светило мягкое и тёплое, ярко отражаясь в воде. Белая свадьба на фоне красок осени ясно отпечаталась в моей памяти.

В первую брачную ночь мы еле добрались до кровати, совершили обязательный обряд, а потом Кира взяла подаренный фотоаппарат и заставила себя фотографировать: обнажённой, в чулках и под фатой. Мы пили шампанское, смеялись и дурачились.

Фотографии получились очень пикантными: девушка, отдававшая мне их из печати, загадочно улыбалась.

С Кирой мы жили душа в душу, несмотря на беременность, учёбу и мою тяжёлую работу. Роды мы тоже выдержали мужественно, хотя и уставали страшно. Я работал как проклятый, но денег всё равно не хватало.

На почве усталости и безденежья появилось отчуждение друг от друга.

Сначала просто не хотелось друг с другом разговаривать, а позже - даже быть рядом.

Сексуальная жизнь на односпальной тесной кровати в комнате с моим братом стала казаться уже не яркой, а пресной.

Нужно было что-то делать.

Однажды весной 2005 года, гуляя по парку с коляской, мы смотрели друг на друга с осознанием того, что чувства, как плохой фитиль, вот-вот угаснут. Мы не хотели этого, но на первый взгляд, сделать ничего не могли.

Мы стали говорить о том, что нужно что-то поменять кардинально. Кира предложила мне вернуться в Европу, освоиться, а потом забрать с собой их. Я не хотел тогда расставаться с семьёй, наученный опытом первого брака и понимая, к каким последствиям может привести столь долгая разлука. Я предложил свой вариант. Она подумала, и согласилась когда-нибудь попробовать. Вот так мы стали жить по-новому.

Однажды мы решили жить по-другому, по-новому, я уже говорил об этом. Очень тяжело осознать, что ты внутренне свободен.

Я родился в Советском союзе, родители к диссидентству не тяготели, даже наоборот. Они принадлежали к тому поколению счастливиц, чья юность пришлась на 70-ые, и кому

союза дал всё. Но самого союза они уже не боялись. Они не знали, что такое война, голод, холод, безработица, унижение личности, бесперспективность.

Собственно, и я, чьё детство выпало на либеральные 80-ые, со временем должен был пополнить ряды беззаботных счастливых. Но не вышло. Сначала прискакали на сивой кобыле 90-ые, а с ними жизнь на грани нищеты, потому что родители так и не сумели приспособиться к новому времени, особенно папа; потом война в Чечне и каждодневный страх, что его туда отправят, который вошёл в подкорку, потом дефолт.

О, я его очень хорошо помню! До него маме еженедельно давали в школе какую-то небольшую сумму денег, она ехала с ней на рынок и привозила мясо, докторскую колбасу, какие-то сладости нам с братом. Потом и этого не стало.

И ещё, я совсем не умел тогда думать самостоятельно. Пионеррию отменили за месяц до того, как я должен был в неё вступать - я упёрто хранил в шкафу галстук с биркой, кажется, «15 коп.». Начальные классы школы я единственный проходил в советской синей форме. Учился я во вторую смену, и потому, когда днём бегал за хлебом, заходил в парк гарнизонного Дома офицеров, старинную немецкую усадьбу, где под сенью лип на бетонном постаменте торчал бронзовый Ленин. Я стоял перед ним, и блики играли на его полированной лысой макушке, и от земли пахло прелостью и прошлогодними листьями.

Вскоре, однако, народные умельцы увезли Ленина в приём цветметаллов.

А я пошёл заниматься восточными единоборствами. Тогда это было очень модно. Но мальчик я был робкий, и впервые серьёзно получив на тренировке, сразу же невзлюбил это дело. Папа сказал, что если я всё брошу, вырасту бесхарактерным. Этого я испугался гораздо больше, и прозанимался ещё пять лет.

К вере в Бога я шёл через немыслимые тернии, я думал, я вообще не верю ни во что; все говорили, вера - это подвиг, куда тебе. А я не умел даже молиться, «Отче наш»; выучил с трудом, молился, как моя прабабка, у которой однажды подслушал: «Боженька, миленький, прости меня, грешного».

И только через много лет понял, что верил-то всегда, верил с искренностью ребёнка, но бывшие советские граждане только мешали, начитавшись умных книжек.

К чему я всё это? Да к тому, что я всегда делал как надо, а не как хотел. А как я хотел?

В нежном возрасте я посмотрел - тайком от родителей, разумеется, - вторую часть «Дикой орхидеи». Кино произвело на меня впечатление, под которым я нахожусь до сих пор. Вы помните: юноша, девушка, романтическая любовь, только одна неувязочка: романтическая героиня в капиталистического общества подрабатывает в дорогом публичном доме. И это ей не сказать, что не нравится, вот что самое главное.

Я подумал тогда: все те женщины, учителя, знакомые, воспитанные, романтические, единственная любовь до гроба в голове, сплошь на подбор декабристские жёны - да как они живут?

Мужья их пьют, гуляют напропалую, от свиньи не отличить этих мужей порой, но надо же: они когда-то были не такие. Им вся душа и вся единственная любовь.

В общем, с одной стороны, взрослые забивали мне голову романтической лабудой посредством подсовывания мне старой доброй приключенческой литературы, с другой стороны, голова моя думала о своём. К тому же горские гены уже давали о себе знать.

Годам к двенадцати я уже был совершенно сдвинут на откровенной эротике (Интернета ещё не было, порнографию видели единицы) , но в отсутствие внутренней свободы даже помыслит не мог о том, что, например, моя жена когда-то будет носить стринги.

Так незаметно я рос и вырос в крайне амбициозного молодого человека. Неудачи первых любовных приключений быстро превратили меня в идеалиста, а посему я без памяти влюбился в ту, которая, выражаясь попросту, первая мне дала.

Это случилось уже в Москве, в МГУ, куда я поступил блистательно и без помощи какой-нибудь волосатой лапы. Просто потому, что такой лапы у меня не было. Девушку звали Надежда, была она старше меня на три года и училась там же, на филологическом факультете. Жила она одна с матерью в нищенской однокомнатной хрущёвке, денег не было ни у неё, ни у меня, так что питались мы весна скудно, крапами и супами "Роллтон" , зато я расстался со своей девственностью.

Окрылённый успехами в любви и учёбе, я, не слушая критики товарищей, охов родни и свято уверовав её словам о том, что я у неё первый (что, конечно, была наглая ложь, но что стоило навесить лапши на уши юнцу, который имел смутное представление о том, где у женщины находится вагина?) , так вот. Как честный человек, я тут же сделал ей предложение.

Она благосклонно согласилась.

Так я и женился. Свадьбы не было, просто расписались и всё.

Мои родители были в совершённом шоке от моего выбора, так как Надя была цыганка, закончилось тем, что они совсем перестали присылать мне деньги. Пришлось искать заработков.

Впрочем, Надя здесь не спешила, предоставив мне почётное право заниматься решением финансовых вопросов. Ей хватало и чая на ужин, а что там ел я, её не беспокоило.

Я работал корреспондентом вне штата, давал уроки, агитировал население за каких-то депутатов, торговал учебниками на рынке. Разумеется, это наихудшим образом сказалось на моей учёбе. Из подающего надежды журналиста постепенно я стал превращаться в

троечника-маргинала, преподаватели перестали здороваться со мной за руку.

У Нади, напротив, дела шли хорошо. Однажды, гуляя по Александровскому саду в перерывах между лекциями, мы с ней купили на двоих бутылку пива. И я очень сильно отравился им на голодный желудок.

Не в силах сдержаться, я присел на газон посреди толпы туристов, и стал неудержимо блевать, жёлтая слюна повисла на моей поношенной курточке, люди смотрели на меня: кто сочувственно, кто брезгливо. Надя отошла от меня метров на пятнадцать, она стыдилась быть рядом, я думаю. Вдруг, несмотря на боль и рези, я понял, что с этого и начнётся наш разрыв. Я утёрся рукавом и встал.

На следующий день мне стало так плохо, что пришлось вызывать скорую. Врач посмотрел на меня небрежно и посоветовал съездить домой на обследование. Измученный, на последние деньги купил я билет и поехал в свой родной город. Ночь я провёл на жёсткой боковушке плацкарта, денег у меня не было ни на постель, ни на еду. Дома меня по знакомству - родители подсустились - положили в госпиталь, где у меня обнаружилась запущенная язва. Полтора месяца я провёл там.

Надя мне писала письма по интернету, раз в два дня.

Я сходил с ума по ней. У меня начиналась агония любви; я не расставался с её фотографией, онанировал только на неё, на бледный веснушчатый образ, обрамлённый жёсткими непослушными волосами.

Моя первая жена была девушкой с претензией, при этом близорукой: я помню, что у неё была большая белая грудь и непропорциональная стройному телу большая голова. И ещё она интересовалась девушками, даже спала с одной, когда была старшеклассницей.

Пока я отлёживался дома, письма от жены перестали приходить мне совсем. Едва выздоровев, я вернулся в Москву, где узнал, во-первых. Что Надя опять стала курить (с трудом переносит курящих женщин), а во-вторых, нашла себе любовника.

Им оказался её преподаватель философии, болезненный парень лет тридцати, зимой и летом ходивший в одном и том же коричневом свитере со стоячим воротником и носивший толстые роговые очки. Уже не помню, как его звали, помню только, что он писал стихи по-французски, чем Надьку и соблазнил.

Спасибо автору за великолепный рассказ.

Все желающие выразить благодарность могут отправлять деньги на его Яндекс-кошелёк 41001371568007.

Он купит на них какие-нибудь приятные подарки своей жене, которая является главной героиней рассказа.